

Вяз. Арсена - 2003 - 16 апр. - с. 4

РОМАН

Морфий

В середине XIX в. в качестве болеутоляющего и успокаивающего средства широко применялся морфий (опиум). При умелом использовании в умеренных дозах морфий может избавить человека от страшных мучений и даровать покой. Но стоит больному увлечься и пойти чуть дальше — морфий несет неминуемую смерть. Булгаков, прошедший через все круги опиумного ада, описал его как нельзя лучше в повести «Морфий».

«При вприскивании почти мгновенно наступает состояние спокойствия, тотчас переходящее в восторг и блаженство. И это продолжается только одну, две минуты. Наступает боль, ужас, тьма... Сердце начинает стучать так, что я чувствую его в руках, в висках... а потом оно проваливается в бездну... Не «тоскливое состояние», а смерть медленная овладевает морфинистом, лишь только вы на час или два лишите его морфия. Воздух не сытный, его глотать нельзя... в теле нет клеточки, которая бы не жаждала... Словом, человека нет. Он выключен. Двигается, тоскует, страдает труп. Он ничего не хочет, ни о чем не мыслит, кроме морфия. Морфия! Смерть от жажбы — райская, блаженная смерть по сравнению с жадой морфия. Так заживо погребенный, вероятно, ловит последние ничтожные пузырьки воздуха в гробу и раздирает кожу на груди ногтями. Так еретик на костре стонет и шевелится, когда первые языки пламени лижут его ноги... Смерть — сухая, медленная смерть...»

Герой повести, доктор Поляков, в поисках избавления от наркотических мук кончает жизнь самоубийством. Доктору Булгакову повезло больше. Благодаря верной и преданной жене, Татьяне Николаевне Лаппе, его удалось спасти. Но в главном повесть автобиографична.

Я должен знать

Биографы Булгакова датируют начало его морфинизма 1917 годом. Однако знакомство с наркотиками состоялось несколько раньше.

Еще в 1913 году, когда Булгаков и Тася (так он всегда называл Татьяну Николаевну) жили в Киеве, Михаил принес домой кокаин:

— Надо попробовать.

— Зачем? —

спросила Тася.

— Нужно. Я

будущий врач и

должен знать,

как действует

этот препарат на

больного, —

серь-

езно ответил Михаил.

«Я по молодости лет, по глупости согласился, — вспоминала спустя много лет Т. Н., — вместо того, чтобы устроить скандал. Мы жили мирно, никогда сильно не ссорились, но тут я должна была проявить характер, а вместо этого сама попробовала наркотик, зная, какие от него бывают беды. После кокаина у меня возникло отвратительное чувство, тошноты стало. Спрашиваю у Миши:

— Ну, как ты?

— А я спать хочу, — неопределенно ответил он и уснул.

Утром я к нему снова бросаюсь с вопросом:

— Как ты себя чувствуешь?

— Да так себе, — отвечает он.

— Не понравилось?

— Нет, — говорит.

И тут я успокоилась, а зря». Вскоре после того как молодые влюбленные поженились, началась война. Опытные земские врачи были взяты на фронт, в пол-

вые госпитали, а молодые выпускники медицинских институтов заменили их в тылу, в земских больницах. Молодого врача Булгакова направили в Сычевский уезд, в село Никольское. Что такое земский врач в глуши, куда не доходят ни газеты, ни известия с фронта, можно представить себе по циклу «Записки юного врача». «Ко мне на прием по накатанному санному пути стали ездить по сто человек крестьян в день. Я перестал обедать... На каждого из ста моих пациентов я тратил только по пять минут... пять! Пятьсот минут — восемь часов двадцать минут. Подражайте, заметьте. И кроме того, у меня стационарное отделение на 30 человек. И кроме того, я делал операции».

И все-таки, несмотря на все трудности, он был доволен: где еще молодой доктор мог получить столь богатый практический опыт?

В 1917 году старшего брата Татьяны Николаевны, Евгения, отправили на фронт, и он погиб в первом же бою. Тася была безутешна, в еще худшем состоянии находилась ее мать, как раз приехавшая погостить с младшими сыновьями в Никольское: она упала в обморок, и Булгаков долго приводил ее в сознание. Нервное напряжение отразилось и на нем. Он оперировал ребенка, больного дифтеритом. Пришлось надрезать горло и сделать трахеотомию: вставить в надрез трубку и отсасывать через нее дифтеритные пленки из горла. Врачу показалось, что пленка попала в рот. Он попросил сделать себе прививку. В руках и ногах начался сильнейший зуд. Булгаков сильно нервничал и приказал вприсунуть себе морфий. Вскоре боли утихли, доктор заснул.

Дальше события развивались примерно так, как описано в истории д-ра Полякова.

«Сумерки наступают рано. Я один в квартире. Вечером пришла боль, но не сильная, как тень вчерашней боли, где-то за грудною костью. Опасаясь возврата вчерашнего припадка, я сам себе вприсунул в бедро один сантиметр. Боль прекратилась мгновенно почти. Хорошо, что Анна Кирилловна оставила пузырек...

18-го. Четыре укола не страшны. 25 февраля. Чудак эта Анна Кирилловна! Точно я не врач, 1,5 шприца morph. Да. 1 марта. Доктор Поляков, будьте осторожны! Вздор».

Смертоносная музыка

То ли профессиональное медицинское любопытство, то ли скука в глуши тому виной, но в последующие дни Булгаков снова требовал морфия — чуть только начинал чувствовать себя неважно.

Когда один укол не подействовал и понадобились два, жена беспокоилась. Было поздно: земский врач уже познал опиумные грезы.

«Таких снов на рассвете я еще никогда не видел. Это двойные сны. Причем основной из них, я бы сказал, стеклянный. Он прозрачен... Я вижу жутко освещенную лампу, из нее пышет разноцветная лента огней. Амнезис, колыша зеленым пером, поет. Оркестр, совершенно неземной, необыкновенно полновочувствен. Впрочем, я не могу передать это словами. Одним словом, в нормальном сне музыка беззвучна... (в нормальном? Еще вопрос, какой сон нормальнее! Впрочем, шучу...) беззвучна, а в моем сне она слышна совершенно небесно. И, главное, что я по своей воле могу усилить или ослабить музыку...»

Мучения наступили позднее. Они были страшны — именно потому через десять лет Булгаков решил оформить собственные дневниковые записи того периода в связанную повесть с трагическим концом. Он хотел предупредить нас с вами об опасности.

У морфиниста не может быть детей

Поначалу Татьяна Николаевна растерялась. Она понимала, что Булгаков скатывается в болезнь. Но как его лечить?

Сам он себя уже не контролировал — толь-

ко панически боялся, что Тася «донесет» на него в больницу и уложит лечиться насильно. Его паника дошла до того, что однажды он воспользовался плохим самочувствием жены (у нее заболел желудок) и насильно вприснул ей морфий. Видимо, хотел, чтобы Татьяна Николаевна тоже услышала сладкую опиумную музыку — тогда бы она стала его единомышленницей...

Его не остановило даже то, что Тася беременна. Булгаков с молодости очень любил детей, и жена мечтала о ребенке. Но теперь он горько усмехался: «Какой ребенок может родиться у морфиниста?» Супруга в слезах пыталась втолковать: «Но ведь я здорова! На меня и кокаин и морфий подействовали одинаково отвратительно!» Михаил молчал. Он думал только о том, что запас морфия в их домашней аптечке заканчивается. Татьяна Николаевна извлеклась, не зная, что предпринять, и... в конце концов сама попросила мужа сделать себе аборт.

Намного позже Тася узнала, что больше никогда не сможет иметь детей.

О болезни Булгакова знали только двое: он сам и Татьяна Николаевна. Тася все надеялась, что когда запасы морфия закончатся, отвыкание от наркотика наступит само собой. Два раза она предложила сделать мужу укол и вместо морфия вприснула дистиллированную воду. Булгаков посылал несколько секунд, понимал, что его обманули и разразился проклятиями. Во второй раз швырнул в жену горящий примус. Она успела увернуться и убежать в другую комнату, и только чудом дом не загорелся.

Требуемая доза морфия все росла. Михаил ездил в Вязьму и набирал белого порошка по врачебным рецептам, для отвода глаз вписывая в них и другие лекарства. После приема наркотика он успокаивался, садился что-то писать.

В Никольской больнице недавнее заподозрила сначала медсестра, а за ней и все остальные. Назревал скандал. К счастью, как раз в тот момент врач потребовался в Вязьме, и 18 сентября 1917 года, после долгих просьб и хлопот, Булгаков наконец перевели из глухого Никольского в Вяземскую городскую земскую больницу. Татьяна Николаевна радовалась: Михаил оживился, готовясь к отъезду из глуши. Его радость, впрочем, объяснялась иным мотивом: в крупной больнице легче достать порошок.

Татьяна Николаевна вспоминала позже: «В Вязьме нам дали комнату. Как только проснулся — «иди ищи аптеку»... Кончилось это — опять надо. Очень быстро он его использовал».

В один прекрасный день фармацевт

Материал подготовила Эра ВОДОЛЕЕВА

центральной аптеки города обратил внимание на то, что дозы, указанные в рецептах, увеличиваются. «Что это за болезнь, требующая роста доз? — усмехнулся он. — Если это рак, то больной должен находиться в больнице. А тут похоже не на самолечение рака, а на развитие у больного наркомании!.. Не плачьте, милейшая. Скажите доктору Булгакову, что опиум — штука опасная. Надо лечиться!»

Узнав, что жена не смогла достать наркотик, Михаил очень серьезно сказал: «Беги в другие аптеки. Не принесешь — убью».

Однако бдительный фармацевт успел обзвонить всех коллег. Татьяне Николаевне везде отказывали, и только в самой окраинной аптеке ей выдали однопроцентный раствор. Чтобы он дал эффект, его надо вприскивать десятком раз. Михаил набросился на жену с кулаками и потом на трое суток исчез из дому.

За те три дня Татьяна Николаевна буквально постарела. Однако когда выяснилось, что муж ездил к коллеге-товарищу, специалисту по наркологии, в Москву и, вернувшись, попросил вприснуть себе дозу уже меньшую, чем до отъезда, Татьяна Николаевна воспряла духом: наступает выздоровление.

«Больше в аптеку не пойду»

В феврале 1918-го Михаила Афанасьевича демобилизовали. Уже через несколько дней они с Тасей ехали домой, в Киев. Булгаков впервые за месяцы болезни улыбался.

На сей раз матери Булгакова пришлось рассказать правду: слишком изможденный вид был у ее сына. «Миша выздоровел, — быстро добавила Тася. — Почти. Он резко уменьшил дозы наркотика».

Мать смотрела на вещи более реалистично. «Это там, в глубинке, было тяжело с опиумом. В Киеве он продается в любой аптеке».

И точно: вскоре Татьяне Николаевне снова пришлось бегать по аптекам. В Киеве опиум продавался без рецепта, можно было купить несколько пузырьков в разных местах. Михаил сливал их содержимое в стакан и выпивал разом. Тася попыталась повторить вяземский опыт с дистиллированной водой. И... увидела нацеленный на себя браунинг, неизвестно откуда взявшийся.

Однако она решила бороться до победного. Собрал волю в кулак, заявила мужу, что больше в аптеки ходить не будет. «Там записали твой адрес, фамилию, звонили в другие аптеки, мол, не брала ли я у них морфия. Они сказали, что собираются отнять у тебя печать».

И тут случилось чудо. Татьяна Николаевна сама не ожидала такого эффекта от своих слов: «Булгаков победил, как умирающий. Больше всего на свете он хотел стать великим врачом, а без печати ему бы запретили практиковать. Страх потерять практику пересилил страх остаться без наркотика. И еще — к тому времени он уже много писал. В нем поселилось смутное чувство своей избранности».

Бороться с зависимостью было трудно, но на этот раз у Булгакова появились силы. Конечно, мать, братья, сестры и — особенно — жена были рядом и поддерживали его как могли. Михаил неренчал, раздражался по каждому поводу, но теперь ему было что терять. И болезнь постепенно отступала.

Полное отвыкание от наркотика наступило после 1918 года. Татьяна Николаевна помнила, что говорил нарком, к которому она когда-то приходила за советом: наркомания неизлечима — статистик удется буквально единицам. Видимо, Булгаков оказался той самой единицей. Но окончательно Татьяна Николаевна успокоилась только тогда, когда на двери кабинета мужа появилась табличка: «Доктор Булгаков». Как и прежде, Михаил Афанасьевич лечил венерические заболевания и считался прекрасным врачом.

